

По мнению М. М. Бринчука, эколого-правовая юридическая ответственность выражается в качестве отношений, возникающих между лицом, совершившим экологическое правонарушение/преступление и государством в лице органов, которые уполномочены его представлять. М. М. Бринчук выделяет эколого-правовую ответственность как отдельный, самостоятельный вид юридической ответственности. А. П. Анисимов, А. Е. Черноморец и А. Я. Рыженков обозначают тот факт, что продолжительное время эколого-правовая ответственность вызывала споры, и вопрос о ее существовании как самостоятельного вида юридической ответственности был открыт. Ученые, которые придерживаются мнения о том, что такая ответственность является обособленным, самостоятельным видом, объясняют это тем, что такие санкции, как лишение определенной лицензии на право природопользования, прекращение/ограничение деятельности физических лиц, а также юридических, реализующих ее с нарушением природоохранного законодательства и др., выступают в качестве самостоятельной формы природоохранительной ответственности.

Наиболее важной отличительной чертой, которая позволяет говорить о том, что эколого-правовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, является особый порядок реализации такой санкции, как ограничение/прекращение права специального природопользования. Такой порядок значительно отличается от порядка применения мер в уголовном процессе или же в административном процессе.

Представляется, что эколого-правовая ответственность имеет все основания, чтобы получить статус самостоятельного вида юридической ответственности. Такими основаниями выступают признаки, характерные для юридической ответственности, например, наступление неблагоприятных последствий для субъекта, совершившего правонарушение в экологической области; установление/наложение ответственности государственным представителем; факт осознанного, целенаправленного противоправного правонарушения, а также осуждение за данное правонарушение со стороны государства, существование таких правонарушений, которые выступают основанием для привлечения правонарушителя к ответственности. Такая ответственность наступает исключительно за правонарушения в области экологического права.

Романчук Д. Е.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Романчук Дарина Евгеньевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, darrrrrrrrrr03@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

В современных условиях одним из важнейших факторов, оказывающих существенное воздействие на право как на регулятор общественных отношений, выступает цифровизация. Новые цифровые технологии

порождают новые общественные отношения. Как следствие, возникает необходимость в трансформации правовых регуляторов, их приспособлении к возрастающему темпу жизни, к решению стоящих перед обществом и государством задач.

В судебной правоприменительной деятельности влияние цифровизации выражается как в преимущественном использовании при анализе обстоятельств дела и непосредственном его рассмотрении цифровых источников информации и механизмов (в том числе электронных доказательств и онлайн заседаний), так и во все более широком применении электронных способов подачи исковых заявлений и организации иного информационного дистанционного взаимодействия с заявителем, а при необходимости – с иными органами и организациями. Отрицательное влияние цифрового процесса правосудия – отсутствие должной индивидуализации при рассмотрении дела, которое может привести к принятию хотя формально и законного, но с нравственной точки зрения несправедливого решения. Однако, возможности цифровизации (электронный документооборот, извещение участников процесса, содержание судебных постановлений, принятых по итогам рассмотрения спора) позволяют разгрузить суды от рутинной работы и детально рассматривать дела.

Цифровой нормативный правовой акт – новая, существующая в электронном виде, форма правового акта – представляется гибким инструментом регулирования общественных отношений. Его модель должна быть основана на эффективном сочетании общеобязательных правил поведения с возможностью настройки под конкретный случай и конкретных субъектов. Гибкий и адаптивный характер цифрового закона предполагает необходимость создания столь же гибких механизмов и средств правоприменения. Варианты возникновения подобных механизмов в настоящее время возможны на базе такой новой технологии, как блокчейн. Будучи системой распределенных данных, достоверность которых гарантирована самой структурой, блокчейн дает возможность заключения смарт-контрактов. Первые шаги, сделанные в этом направлении участниками общественных отношений, показывают хорошие перспективы смарт-контрактов в плане возможности занять важное место в системе применения права, прежде всего в сфере экономики.

Важной задачей является обеспечение надлежащей защиты информации, которая циркулирует в государственно-правовом пространстве. Зоны риска: неправомерное использование персональных данных субъектов правоотношений; несанкционированные «утечки» информации, доступ к которой законодательно ограничен; риск утраты накопленной в электронной форме информации, что может привести к нежизнеспособности всей системы госуправления; риск ошибочного срабатывания применяемых схем, алгоритмов и образцов (может привести к нарушению прав, свобод и законных интересов участников правоотношений).

При своем несомненном положительном значении для правоприменения и для правовой системы в целом (повышение комфортности выполнения

процессов поиска, анализа и структурирования информации, оформления необходимых документов), цифровизация имеет и негативный потенциал (риск упрощенного и «бездушного» подхода к разрешению жизненных ситуаций, который может привести к недостаточному учету важных обстоятельств при рассмотрении конкретного случая и принятию в конечном итоге несправедливого решения).

Практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию цифровой правоприменительной деятельности: внедрение систем самопроверки и внешней проверки принимаемых правоприменительных решений на предмет соответствия их принципам обоснованности, справедливости, законности, целесообразности и необходимой степени индивидуализации; постоянное информирование граждан и бизнеса о возможностях и порядке использования цифровых механизмов во взаимодействии с органами власти; принятие мер по обеспечению сохранности (по возможности дублирования) содержащейся в официальных базах данных информации; своевременное инициирование внесения необходимых изменений в законодательство.

Таким образом, современные технологии существенно преобразуют действительность, создают новую реальность. В этой реальности и право приобретает цифровые формы. «Цифровое правоприменение» впоследствии станет обыденным явлением и если не полностью, то в значительной части заменит собой аналоговое «бумажное» правоприменение.

Семашко Е. А.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

*Семашко Елизавета Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
liza.semashko.05@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Священное Писание является главным формальным источником познания Божественного права. В христианстве Священное Писание – Библию – составляют книги Ветхого и Нового Завета, которые, как учит Церковь, написаны по вдохновению Божию, и именуются каноническими.

В христианской Церкви значимость книг Ветхого и Нового Завета не одинакова. Иисус Христос говорит о Ветхом Завете следующее: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Апостол Павел характеризует ветхозаветный закон как «детоводитель ко Христу» (Гал. 3, 24), «закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей» (Евр. 10, 1).

Выдающийся христианский философ блаженный Аврелий Августин указывает на взаимосвязь Ветхого и Нового Завета: «Новый Завет скрывается в Ветхом, Ветхий открывается в Новом».